

Наверное, не в каждом балетном спектакле есть такой момент, когда каждое движение, каждый жест артиста наполняются для вас глубоким смыслом, откровенным и понятным, как слова, произнесенные вслух. Но когда танец и музыка сливаются воедино, когда вы перестаете отделять танцовщика от образа, создаваемого им, когда исчезает условность театральных декораций и вы начинаете верить артисту, волноваться и переживать вместе с ним и когда вы чувствуете, что это происходит не только с вами, но со всем залом, — вот тогда и приходит он, «звездный час» артиста.

И только после того, как погаснут огни ramпы и холодный зимний ветер, сутолока улиц и шум большого города вернут вас в реальный мир, оставленный на то время, которое длится спектакль, вы, может быть, подумаете, какой ценой досталась артисту каждая его «звездная минута»...

О своем пути к успеху, о труде артиста балета рассказывает солист Большого театра, лауреат премии Ленинского комсомола страны, делегат XVII съезда ВЛКСМ Вячеслав Гордеев.

— Как Вы пришли в балет?

— Ну, прежде всего надо сказать, что в нашей семье никогда не было представителей искусства. Мои родители работают на заводе, оба они инженеры. Просто как-то моей матери пришла в голову мысль отдать меня в балетную студию.

Мне повезло. Начал я заниматься в балетной студии Дворца культуры завода «Красный Октябрь» с большой неохотой. И когда через семь месяцев мне предложили поступить в суворовское училище, я в общем-то пошел туда с радостью. Но надо же было такому случиться, что в это же время был объявлен дополнительный конкурс в Московское академическое хореографическое училище. И немного поколебавшись, и... простите роскошный мундир суворовца!..

Вот так вроде бы совсем случайно я и пришел в балет.

— Как Вы стали артистом труппы Большого театра?

— Естественно, когда ученик заканчивает училище, перед ним встает проблема: куда его возьмут? У меня было три предложения. Во-первых, «Классический балет»

Игоря Мойсея, во-вторых, Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко — в эти два коллектива меня сразу брали на солиста. И третье предложение, на посторонний взгляд, было не столь уж блестящим — кордебалет Большого театра.

Я выбрал Большой, ибо всегда мечтал попасть в этот театр. По моему мнению, танцевать даже

честь ее по-своему. Но путь к этому балету лежал через партию Щелкунчика в постановке Юрия Николаевича Григоровича. Это была моя первая встреча с выдающимся советским хореографом. Именно он показал, разъяснил мне стиль, направленность спектакля, в котором пытался по-своему трактовать ставшие для нас хрестоматийными образы.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ВЯЧЕСЛАВ ГОРДЕЕВ

в кордебалете такой блестящей труппы — огромное счастье.

За те годы, что я работал в театре, мне удалось исполнить почти все те сольные роли, о которых обычно мечтает любой начинающий артист. Я танцевал ведущие партии в таких постановках, как «Щелкунчик», «Легенда о любви», «Дон Кихот», «Спартак».

— Есть у Вас любимая роль?

— У артиста рядом со словом «любимая», когда он говорит о той или иной роли, часто стоит другое определение — «трудная». Так вот моя самая дорогая роль — партия Фархада в балете азербайджанского композитора Арифа Меликова «Легенда о любви». Я этот спектакль видел несчетное число раз со всеми исполнителями, которые его танцевали. И поэтому, когда я начал готовить роль, то задался целью не повторять их, а про-

— Вячеслав, теперь Вы человек известный во всем мире. Как Вы относитесь к своему успеху?

— Успех ко многому обязывает. Ведь если, положим, тебя хуже принимают, чем обычно, то задумываешься, почему это происходит. То ли оттого, что он плохо танцевал, то ли зритель просто не понял этот спектакль.

Само понятие «успех» очень тесно связано с другим понятием — гражданской ответственностью артиста. То есть с необходимостью поднимать современные острые, волнующие зрителя темы. Ведь для кого мы в конце концов работаем? Для нашего современника. И поэтому вполне естественно желание зрителя видеть на сцене раскрытые проблемы, вопросы, которые его волнуют.

— Нередко еще можно, даже от людей интеллигентных, услышать мнение, что труд танцовщика легок.

— К сожалению, вы

правы. Некоторые даже за профессию это не считают, мол, каждый может выйти да сплясать, сособого умения не надо. Как правило, так думают люди, не имеющие ни малейшего представления о труде артиста балета. Мой рабочий день начинается в девять утра, а заканчивается поздно вечером — в десять-одиннадцать. В эти четырнадцать часов входят занятия в классе, то есть ежедневные упражнения, которые не позволяют мне потерять форму, репетиция текущего репертуара и новых постановок, а вечером — спектакли. Четырнадцать часов непрерывного труда за исключением небольших перерывов. А если еще есть съемки на телевидении или в кино, то и этих перекусов не бывает.

И бы посоветовал таким скептикам упрямому администратору местного театра оперы и балета пустить их хотя бы на одну репетицию труппы...

— Мы знаем, что Вы были делегатом XVII съезда ВЛКСМ. Какое место занимает в вашей жизни общественная работа?

— Я часто выезжаю в шефские поездки. Не так давно, например, по путевке ЦК ВЛКСМ побывал в Чехословакии, где проходил месячник чехословацко-советской дружбы. Выступаю я и на нашем подшефном заводе «Коммунар», на совместных вечерах, которые устраиваются молодыми рабочими совместно с молодежью нашего театра. Все это не считая обычной текущей комсомольской работы.

— Последний вопрос. Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?

— Мои увлечения опять-таки связаны с моей профессией. У меня большая коллекция пластинок — как классическая (очень люблю Рахманинова), так и современная — бит-музыка, рок-оперы. Их прослушивание помогает мне лучше познакомиться с музыкальной культурой мира, полнее понять те или иные образы. Люблю ходить в театр, пересмотрел практически весь репертуар ведущих московских драматических коллективов. Ну и книги, конечно, живопись.

Вообще-то времени свободного очень мало, а так много хочется успеть...

Интервью вели
А. ВАСИЛЬЕВ и
М. КРАНС.

МОСКВА.